

ПРИКАЗ

R-17

RESERVE CONTROL
LOCK

18:43:12

БЕЗ

ДЕЛО № 47-С
СТАТУС: ЗАКРЫТО

ПОДПИСИ

18+

КОГДА ТЕХНИКА МОЛЧИТ.

Константин Труфанов

Приказ без подписи

«Автор»

2026

Труфанов К.

Приказ без подписи / К. Труфанов — «Автор», 2026

Самолёт разбивается ночью. Официальная версия — техническая неисправность — появляется ещё до завершения работы на месте катастрофы. Следователю Олегу Серову поручают разобраться в гибели Ильи Бережного и других пассажиров. Но ещё до знакомства с материалами дела он получает анонимное сообщение с фотографией собственной дочери. Кто-то наблюдает за его семьёй и знает, что он собирается делать. В документах остаются пробелы, следы исчезают, а каждое новое свидетельство заставляет сомневаться в тех, кому Серов привык доверять. За катастрофой проступает система, где исполнители знают лишь свою часть задания, а приказы не требуют подписи. Как доказать преступление, если люди, причастные к нему, могут переписать само расследование? Самостоятельный детективный триллер. Не входит в цикл «Протокол 317».

© Труфанов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ Катастрофа	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Приказ без подписи

ПРОЛОГ Катастрофа

Из внутреннего документа системы, шифр 47-С:

«Исполнитель не должен знать конечной цели. Это гарантирует его безопасность. В случае внештатной ситуации все уровни координации автоматически аннулируются. Подпись не требуется. Срок хранения — 24 часа».

За несколько часов до вылета техник Игнатов сидел в ангаре технического обслуживания.

Вокруг гудела вентиляция — монотонно, глухо, как будто здание дышало. За стеклом технического помещения стоял самолёт: огромный, неподвижный, почти

безмолвный. Под ярким светом ламп его металлический корпус казался совершенно обычным — просто груда алюминия и стали, лишённая души.

На экране перед Игнатовым горел тестовый запрос:

ПРОВЕРИТЬ БЛОК R-17. ВНЕПЛАНОВАЯ ДИАГНОСТИКА.

Он перечитал строку ещё раз.

R-17 он знал только по схемам. Резервный контур. Почти никогда не задействовался.

Доступ к нему был ограничен уровнем, до которого Игнатов никогда не поднимался. Но приказ не обсуждают.

Игнатов нажал:

ПОДТВЕРДИТЬ.

Спустился к нижнему люку и провёл диагностику.

Несколько секунд ничего не происходило. Только зелёный индикатор на панели равномерно мигал.

Потом система мигнула.

ЛОСК.

Экран погас.

Игнатов посмотрел на него, нахмурился и ещё раз проверил соединение. Пальцы нащупали холодный пластик. Кабель был вставлен до щелчка.

Никаких сообщений.

Он сделал то, чему его учили: стёр лог. Пара нажатий — и след его работы исчез. Закрыв панель. Поднялся наверх. И вышел из ангара, даже не обернувшись. Он не знал, что его пальцы уже запустили механизм, который через несколько часов

превратит лайнер в падающий металл.

Самолёт вошёл в облака ровно в 21:17.

Илья Бережной посмотрел на часы не потому, что ему нужно было знать время. Просто взгляд искал опору.

За иллюминатором уже несколько минут не было ничего, кроме абсолютной, непроницаемой черноты. Иногда её вспарывали далёкие молнии — короткие, холодные вспышки, на мгновение высвечивавшие край крыла. Внизу, сквозь плотную

облачность, временами проступали россыпи жёлтых и белых огней. Города. Люди. Жизнь.

Потом облака снова смыкались, и всё исчезало.

Бережной закрыл папку. Щелчок замка прозвучал глухо в тишине салона.

Он не любил летать. Не боялся — страх был бы слишком простым. Он просто не доверял тому, что нельзя проверить собственными руками. Самолёт был исправен. Документы — в порядке. Экипаж — опытнейший. Маршрут утверждён. Все процедуры соблюдены.

Но за последние годы Бережной слишком хорошо усвоил одну вещь: самые опасные вещи всегда выглядят безупречно исправными.

Он поднял глаза. Напротив, спал человек, уткнувшись лбом в холодное стекло. Чуть дальше по проходу сидел Павел Родин.

Родин не спал. Он смотрел в иллюминатор, но было непонятно, что именно видел. Его взгляд оставался острым, внимательным — таким, каким Бережной помнил его много лет назад. Как у человека, который привык замечать не то, что лежит на поверхности,

а то, что пытаются спрятать.

— Долго ещё? — спросил Родин.

В голосе звучала сталь, которую не мог скрыть даже ровный гул турбин.

Бережной снова посмотрел на часы.

— Если ты спрашиваешь у меня, значит, мы уже опаздываем. Я, конечно, гений, но расписанием рейсов не владею.

Родин едва заметно усмехнулся. Не улыбнулся — только чуть изменилось выражение губ.

— Я спрашиваю у пилота.

— Ну тогда встань и пойдёшь спроси у пилота. — Пилот занят.

Бережной приподнял бровь.

— Чем?

Родин пожал плечами.

— Пилотирует.

На несколько секунд между ними повисла тишина — не тягучая, а скорее осязаемая, как будто воздух в салоне стал чуть плотнее. Бережной всё-таки улыбнулся. Родин улыбался редко. И когда улыбался, внутри почему-то становилось тревожно.

Бережной посмотрел на него внимательнее. Что-то было не так. Родин сидел слишком неподвижно. Будто прислушивался не к шуму двигателей, а к чему-то внутри себя.

— Что?

— Ничего.

— Павел.

Родин отвернулся к иллюминатору.

— Слишком тихо.

— В самолёте?

— В тебе.

Бережной хотел ответить, но передумал. За стеклом была только чернота. Он бросил:

— Это возраст.

— Нет.

Ответ прозвучал сразу, как удар.

Бережной посмотрел на него.

— Тогда что?

Родин молчал. Потом сказал так тихо, что слова почти растворились в гуле двигателей:

— Не знаю.

И это было самое неприятное. Родин всегда знал. Его «не знаю» звучало не как сомнение. Как приговор, вынесенный самому себе.

Самолёт слегка качнуло. Бережной автоматически положил ладонь на подлокотник.

Впереди раздался короткий звуковой сигнал. Потом ещё один. Родин перестал улыбаться.

Они посмотрели друг на друга. Теперь слова действительно были не нужны.

Первый отказ выглядел обычной технической неисправностью. Гидравлика. Падение давления. Ничего такого, что само по себе означало бы катастрофу.

Через несколько секунд появился второй сигнал.

Потом третий. Глухой, тяжёлый. Будто машина застонала, как живое существо, почувствовавшее боль.

По внутренней связи раздался голос пилота. Спокойный. Слишком спокойный.

— Есть проблема с управлением.

В конце фразы голос дрогнул. Профессиональная выдержка дала трещину.

— Какая именно? — спросил Родин.

Ответа не последовало. Только треск статического электричества.

Бережной уже отстегнул ремень.

— Сядь, — резко сказал Родин.

— Я хочу знать, что происходит.

— Я тоже. Но сидя.

Родин схватил его за рукав и дёрнул вниз.

— Если мы упадём, от того, что ты встал ничего не изменится.

Самолёт ударило сильнее. Он резко накренился влево. С верхних полок посыпались вещи — сумки, журналы, чей-то плеер. Бережной вцепился в спинку кресла. За иллюминатором вспыхнуло что-то белое. На секунду салон залило мертвенным светом. Потом снова стало темно.

И Бережной произнёс:

— Резервная.

Родин понял сразу.

— Она должна забрать управление.

Он посмотрел вперёд, туда, где за стеной кабины происходило что-то, чего они уже не могли видеть.

— Должна, — повторил он. Теперь это слово звучало иначе. Не как надежда. Как последняя возможность,

которую человек произносит только потому, что больше ему сказать нечего.

Резервная система не включалась.

Из кабины донёсся удар.

— Не работает! — крикнул пилот. — Чёрт возьми, она не работает!

— Повтори! — потребовал второй пилот.

— Резервная не отвечает! Полное молчание!

— Переключи вручную!

— Переключено!

Самолёт продолжал падать. Нос медленно, но неотвратимо уходил вниз.

— Ещё раз!

— Уже! Я нажал! Она не...

Голос пилота сорвался. Паника больше не пряталась за профессиональной выдержкой. Она выплеснулась наружу, как воздух из пробитого баллона.

Бережной закрыл глаза. Всего на несколько секунд.

Перед ним возникло лицо Екатерины. Потом дом. Фотография в рамке на столе. Он вдруг понял, что никогда не звонил ей просто так. Всегда был повод. Работа всегда стояла между ними.

Он достал телефон. Экран мигнул. Сигнала не было. Конечно. Высота и скорость не оставляли шанса.

Бережной убрал телефон.

Родин смотрел на него.

— Илья.

— Что?

— Если мы не выровняемся, нужно передать информацию.

Бережной посмотрел на него.

— Знаю.

Родин ничего не сказал. Но вопрос был понятен. Бережной сам произнёс его:

— Кому?

Родин промолчал. И этого оказалось достаточно. В последние годы Бережной научился не верить в случайности. Слишком легко

увидеть замысел там, где его нет. Слишком просто назвать человека врагом, если тебе до боли нужен враг.

Он подумал о предстоящей встрече. О человеке, ради которого летел. Бережной не любил произносить это имя вслух. Слово иногда становится решением раньше, чем решение принято.

Самолёт снова тряхнуло. Где-то впереди что-то глухо взорвалось. Освещение мигнуло и погасло. Остались только тусклые аварийные огни — красные, как запёкшаяся кровь. Родин молча пристегнул ремень. Пряжка звякнула.

— Илья.

Голос его стал почти мягким. Таким Бережной не слышал его уже много лет.

— Если есть что сказать — говори сейчас. Громко. Я слушаю.

Бережной достал из внутреннего кармана маленький чёрный блокнот. Обычный. Без эмблем. Он быстро пролистал страницы и остановился на последней чистой. Перевернул её. На обороте было написано всего несколько строк.

Бережной взял ручку. Поставил дату. Посмотрел на написанное. Затем с усилием вырвал лист. Бумага хрустнула, как сухой лист под ногой.

Родин заметил.

— Зачем?

Бережной спрятал лист в нагрудный карман.

— Не хочу оставлять всё.

Родин посмотрел на него.

— Тогда зачем пишешь?

Бережной встретил его взгляд. В глазах уже не было страха. Только усталость. И какое-то почти нечеловеческое спокойствие.

— Потому что иногда достаточно, чтобы один человек понял.

Родин молчал.

— Всего один, — продолжил Бережной. — Если я не выживу, кто-то найдет это. И поймёт.

Родин хотел что-то сказать. Но передумал. Только сжал челюсти и кивнул.

Высота падала. За иллюминатором появились серые разводы облаков. Потом земля. Слишком

близкая. Слишком быстрая.

Кто-то впереди начал молиться. Его голос смешался с воем турбин и превратился в один сплошной звук — предсмертный, человеческий.

Родин вцепился в подлокотник. Бережной смотрел в окно. В отражении видел своё лицо. Бледное. Усталое. Почти чужое.

Москва была где-то там, за горизонтом.

Он закрыл глаза. И сказал:

— Не мстите.

Родин резко повернул голову.

— Что?

— Если...

Бережной замолчал. Воздух в салоне стал тяжёлым. Каждое слово давалось с усилием, как будто их приходилось вытаскивать из себя.

— Если я не выйду из этого, не мстите. Никому. Слышишь? Никому не мсти.

— Кому? — голос Родина дрогнул. — Кому, Илья?

Бережной посмотрел на него.

— Это единственный ответ, который сейчас имеет значение.

Он говорил уже твёрже.

— Запомни его. Не мсти. Сохрани людей.

Родин смотрел на него так, словно видел впервые.

— Ты серьёзно?

— Никогда не был серьёзнее.

Ещё один удар. Самолёт начал разваливаться. Металл застонал, заскрежетал. Свет погас окончательно.

На несколько долгих секунд мир перестал существовать. Остался только звук. Рёв воздуха. Вой двигателей. Предсмертный визг металла.

Потом мир появился снова. Но уже другим.

Удар о землю был коротким. Страшным. Не таким, как в кино.

Сначала был звук. Огромный, глухой, невозможный. Потом — слепящая тьма. Огонь. И дождь.

В 23:04 первые машины спасателей пробились к месту падения. Лес горел, несмотря на дождь. Запах горелого керосина и расплавленного металла смешивался с сыростью и гарью.

Фюзеляж раскрыло, как металлическую консервную банку. Пожарные работали молча. Военные уже были здесь. Слишком быстро. Слишком организованно. Будто знали, куда ехать.

Один из спасателей — молодой парень с грязным лицом — увидел людей в тёмных куртках и крикнул, перекрывая рёв огня:

— Вы кто?! Это закрытая зона! Я не получал распоряжений о допуске!

Мужчина в куртке даже не остановился. Он показал удостоверение. Чёрная корочка. Герб, которого спасатель раньше не видел.

Парень побледнел. Рука со шлангом опустилась. Он отошёл в сторону, что-то пробормотав себе под нос — то ли ругательство, то ли молитву.

Люди в чёрном прошли к обломкам. Они не искали выживших. Они знали, что искать.

Один, коренастый, подошёл к искорёженной кабине. Второй направился к хвостовой части. Третий держал непромокаемый контейнер.

— Самописцы? — спросил коренастый.

— Есть.

— Оба?

— Один повреждён сильно. Второй цел.

— Второй доставай.

Он даже не повысил голоса.

Они работали спокойно. Профессионально. Слишком профессионально. Как будто делали это уже сотню раз.

Человек с контейнером остановился возле обломка кабины. На металлической панели сохранился странный след оплавления. Тонкая, почти хирургическая линия.

Он провёл по нему пальцем в перчатке.

— Это не пожар, — сказал он тихо.

Коренастый подошёл ближе.

— Что?

Человек быстро вытер палец. — Ничего.

Он взял контейнер. На мгновение ему показалось, что этот след он уже видел. В техническом журнале. В журнале механика по имени Игнатов. Того самого, который подписывал работы перед вылетом. Того самого, чей журнал исчез ещё до того, как самолёт поднялся в воздух.

Он ничего не сказал.

— Работаем.

Голос прозвучал ровно. Почти механически.

В 23:19 по каналам связи прошёл первый официальный текст:

«Причина катастрофы устанавливается. Предварительно — техническая неисправность. Следов внешнего воздействия не обнаружено».

Версия появилась слишком быстро. Почти одновременно с тем, как пожарные ещё тушили самолёт.

В 23:41 один из военных наткнулся на чёрный блокнот. Он лежал в грязи, придавленный обломком. На одной из сохранившихся страниц стояла запись:

«Если я умру, это он».

Солдат уже открыл рот, чтобы позвать кого-то. Из темноты вышел тот самый человек в чёрной куртке. Он молча забрал блокнот. Перелистнул. Вырвал последнюю страницу. Спрятал её во внутренний карман.

Через минуту вернул блокнот на место. Будто ничего не произошло.

— Так и запишем, — сказал он.

Солдат сглотнул.

— Что именно?

Человек обернулся. Посмотрел на него. И солдат вдруг почувствовал, что лучше бы вообще не задавал вопрос.

Человек ушёл в темноту.

В ту же ночь в одном из московских кабинетов горела только настольная лампа.

Человек сидел в темноте. На столе лежала папка, из которой торчал угол документа.

Лицо человека скрывала тень. Только пальцы — длинные, спокойные — лежали на столе, как инструмент, готовый к работе.

Телефон загорелся.

Бережной погиб. Он прочитал сообщение всего один раз и удалил. Щёлкнул выключателем.

На столе лежала папка. На фотографии — Бережной и несколько других лиц. Человек перевернул снимок. На обороте было написано одно слово:

«Третья».

Телефон снова зазвонил. На этот раз он не торопился отвечать. Три гудка. Потом он нажал кнопку.

— Да.

На том конце заговорили быстро, взволнованно, почти сбивчиво. Он слушал, не перебивая. Когда голос стих, ответил:

— Нет.

Пауза.

— Теперь всё дело в том, кто первым поверит в его смерть.

Он посмотрел на фотографию.

— И что он сделает, когда поверит.

Он положил трубку. В комнате снова стало тихо.

За окном шёл дождь. Равнодушный. Бесконечный. Он стекал по стеклу, искажал огни

города, делал ночь ещё более непроницаемой.

К утру дождь смыл почти все следы. Почти.

На земле остались глубокие борозды от обломков. На некоторых деталях металла виднелись повреждения, которые невозможно было объяснить обычной технической неисправностью. Но они не попали в рапорт.

А в красной папке на столе следователя уже лежал первый официальный документ: «Техническая неисправность».

Где-то в Москве открывалось новое дело.

Олег Серов пока ничего не знал. Не знал о Бережном. Не знал о «Третьей симфонии».

Не знал о вырванной странице. И уж точно не знал, что расследование, которое ему предстояло начать, уже было кем-то закончено.

По крайней мере, на бумаге.

Над лесом всё ещё шёл дождь. Холодный. Настойчивый. Будто пытался стереть то, что произошло здесь ночью.

Но некоторые следы не исчезают. Даже если знать, чем их замаскировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.